

ПЕРВАЯ АКТРИСА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Граф Алексей Сергеевич Игнатьев принес в парижский корпункт «Известий» часть архивов своей матери — великой трагической актрисы Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой. Среди них — письма ее сестры Веры Пашенной, а также десятки старинных фотографий, сделанных в России еще в начале века, на которых Е. Н. запечатлена в разных ролях и на разных сценах Отечества. Архивы эти передали Центральной научной библиотеке Союза театральных деятелей.

Сам Алексей Сергеевич Игнатьев родился в Риме, а всю жизнь прожил во Франции. Журналист, работал во многих французских изданиях. В молодости пробовал свои силы и на сцене русского театра в Париже, где играл под именем Алеша Рощина, иногда вместе с матерью.

Четыре года назад А. С. Игнатьев перебрался из Парижа в Бордо, где издает местный журнал. В свои 74 года он по-прежнему активно занимается не только журналистикой, но и политикой — в рядах входящей в состав правящей коалиции Республиканской партии.

Его дед — Алексей Павлович, генерал от кавалерии, был иркутским и киевским генерал-губернатором и пал от рук эсера в 1906 году. Его дядя, Алексей Алексеевич, генерал и дипломат, российский военный атташе в Швеции и во Франции после революции перешел на сторону советской власти, которой и был обласкан — после того, как передал ей принадлежавшие России 225 миллионов рублей золотом, хранившиеся в парижских банках. У нас широко известна его книга «50 лет в строю».

За русского офицера Сергея Алексеевича Игнатьева, который, по словам Веры Николаевны Буниной, являл собой тип Николая Ростова, вышла замуж актриса Екатерина Рощина-Инсарова. Она была старшей дочерью замечательного актера, в прошлом гусара, Николая Петровича Рощина-Инсарова (настоящая фамилия Пашенный), который был убит в припадке ревности мужем одной актрисы. Младшая его дочь — актриса Вера Пашенная.

Взяв театральный псевдоним отца, Екатерина Рощина-Инсарова впервые вышла на сцену в 1897 году. Играла в театрах Киева, Астрахани, Пензы, Ростова-на-Дону, Самары. В 1909 году она приехала в Москву в Театр Незлобина по просьбе Леонида Андреева, ставившего там «Анфису».

В 1911 году она пришла в Малый, а два года спустя К. Коровин и А. Южин пригласили ее в петроградский Александринский театр. Специально для Екатерины Николаевны В. Мейерхольд ставил «Пигмалиона». Критика отмечала в ее игре изящество и изощренность, глубину переживаний, но и надрызг, и душевную усталость. Все, кто видел Рощину-Инсарову на сцене, прежде всего отмечали ее глаза. «Всегда меняющиеся», писал Сергей Яблоновский. — Тревожные, страдающие и утешающие страдания, почти никогда — гневные, почти всегда — мученические, а если нет — смеющиеся, как могут смеяться глаза только у ребенка»...

Сестры, которые, кажется, никогда вместе не играли, навсегда расстались в 1918 году. Вера Пашенная осталась в Москве. Рощина-Инсарова, следуя за мужем — белым офицером, уехала в эмиграцию.

Пашенная не только была любима театральными, но и почитаемыми властями. Она прославилась прежде всего двумя главными ролями в пьесах «Васса Железнова» М. Горького и «Любовь Яровая» К. Тренева. В 1937 году Вера Николаевна получила звание народной артистки СССР. В войну — Сталинскую, а за год до кончины — Ленинскую премии. В 1954 году, когда ей было уже 67 лет, она вступила в КПСС.

До 1934 года сестры переписывались. Вера Николаевна слала эмоциональные послания, призывая сестру вернуться домой. Екатерина Николаевна, ненавидя советский режим, жила на грани нищеты, предпочла остаться свободной во Франции.

Целый клан Игнатьевых во главе с моей бабушкой, урожденной Мещерской, — рассказывает мне Алексей Сергеевич, — ее сыновьями — белыми офицерами Алексеем, Павлом, Сергеем и дочерьми Софьей и Ольгой — в 1918-м году отправился из Москвы поездом на юг России. Поезд шел через Киев, где тогда хозяйничали петлюровцы. Сам гетман Петлюра, поклонник моей матери, полагим выбраться из города. В Одессу попали в самый горячий момент, когда на город наступали красные. Впопыхах нашли какой-то старый пароход, погрузились на него и взяли курс на Константинополь.

Из вскоре удалось выбраться из этого перевалочного пункта российской эмиграции и на пароходе отправиться в Европу. Правда, на Мальте из-за объявленного англичанами карантина пришлось прожить целых 6 месяцев. Это был уже 1919-й. Наконец добрались до Рима, где 19 декабря в гостинице на виа Венето появился на свет я. Но уже через 2—3 недели мы переехали в Париж. Моя мать хотела подлечь на ноги русскую театральную эмиграцию и создать труппу.

Современем именно Париж стал центром российского зарубежного театра. В 1924 году был создан Русский драматический театр. Некоторое время спустя — Русский интимный театр. Зарубежный камерный театр. Некоторые из них, сыграв одну-две пьесы, закрывались и вскоре открывались под другой вывеской.

Кажется, впервые Рощина-Инсарова выступила в Париже 5 января 1921 года, когда Комитет помощи русским литераторам и ученым устроил вечер памяти Льва Толстого. В нем участвовали ставшие ее друзьями И. Бунин, А. Куприн, а также Алексей Толстой.

Если я не ошибаюсь, в первой половине 1922 года был дан первый русский спектакль в Париже — «Ревность» модного тогда М. Арцыбашева. Затем Рощина-Инсаровой удалось собрать труппу, и на парижских подмостках была показана пьеса Вл. И. Немировича-Данченко «Цена жизни», в которой играла сама Екатерина Николаевна. Затем она отправилась в Ригу, где открыла студию и театр драматического искусства. В Париж актриса вернулась в 1925 го-

ду. В декабре 1926 года на сцене залы «Комедия» и на банкете в Большом Русском клубе русской Париж отмечая 25-летие ее сценической деятельности.

Александр Куприн высоко клялся ей «за те незабываемые часы, когда вдохновение золотыми лучами текло из Ваших глаз в зрительный зал и когда чаровал нас Ваш голос, подобный звукам драгоценной виолончели Страдивари, за сладкую и грозную власть Вашего замечательного таланта над нашими покорными душами...» Приветствовали ее Бунин и Мережковский, Бальмонт и Тэффи, Вас. Немирович-Данченко и Зайцев. Телеграммы пришли из российских театров, на сцене которых она выступала. Называя ее «одной из наших самых тонких и пленительных артисток», Мережковский желал всем «увидеть ее опять на милой старой Александринской сцене в свободном Петербурге».

Но выдающаяся актриса, которую называли «первой актрисой русского зарубежья», переживала творческую трагедию. Три года нигде не играла — играть было негде...

А если бы Рощина-Инсарова осталась в России? Как бы сложилась ее жизнь? Быть может, она вместе с сестрой блистала бы на сцене Малого? Или Екатерине Николаевне, как писала Зинаида Гиппиус, пришлось бы выступать в искверканых «ради пропаганды» старых пьесах? «Создавать образы» в мачулатурных и безграмотных творениях новых советских «гениев»?

Екатерина Николаевна играла, участвовала в художественных вечерах с нашими поэтами и писателями, особенно с Надеждой Александровной Тэффи, с которой всю жизнь была чрезвычайно дружна. Именно Тэффи, самый популярный писатель эмиграции, постоянно поддерживала Екатерину Николаевну, уравнивала ей литературно-театральные вечера, сборы от которых были почти единственным средством к существованию. Но этих денег не хватало. Тогда актриса открыла в Париже клуб по игре в бридж.

Вначале дело пошло хорошо, — вспоминает ее сын, — и мама открыла целых три таких клуба. Но клиентура была небогатая — приходили в основном русские и иногда поляки. Да к тому же появились клубы французские, «конкурировать» с которыми не было никакой возможности.

Поэтому мама стала давать уроки актерской игры для русских и французов. Ее любимой ученицей была молодая актриса Ани Вернье, которая снялась во многих фильмах, а потом уехала в Соединенные Штаты. Мама работала и со ставшей знаменитой французской актрисой Лилей Кедровой. И даже какое-то время играла в театре Людмилы и Георгия Питюевых, где пьесы шли только на французском языке.

Характер у мамы был крутой. С людьми она могла быть ужасно неприятной. Я часто присутствовала на репетициях пьес, которые она ставила. Чтобы «вытянуть» из актеров все, на что они способны, мама порой бывала с ними очень резка.

В 1928 году Екатерина Николаевна рассталась со своим мужем. Официально они не развелись и, по словам сына, про-

должны поддерживать хорошие отношения. Узнав об этом, Вера Пашенная шлет ей письмо с призывом вернуться вместе с сыном в Москву. «Я знаю, что тебя надо как-то встряхнуть, как-то вывести из морального ужаса одинокой, бесцельной жизни! Ты же — большая актриса, и у нас так мало талантов!.. Все, что у меня есть, будет и у вас с Алешей. Ты должна или теперь, или уже будет поздно, так как ты вся вымотаешься и погибнешь, или теперь или никогда решить твою жизнь... Спаси себя, СВОЮ ЖИЗНЬ — будет спасена жизнь твоего сына, а там оглядишься, отдохнешь, найдешь себе работу или в столичных театрах, или в крупной провинции».

Говорят, что звал ее домой, в МХТ, и Станиславский, с которым она однажды встретилась в Париже. Несмотря на все тяготы эмиграционной жизни, Рощина-Инсарова решила не возвращаться. Сегодня Алексей Сергеевич объясняет решение матери прежде всего тем, что она была «яркая антикоммунистка» и не могла простить советской власти все то, что происходило на Родине.

Как бы то ни было, она осталась. Вместе с сыном и его няней, вывезенной из России, и старинным другом семьи Плещеевым, которому к тому времени перевалило за 70, они продолжали жить в Париже, перебираясь из одной квартиры в другую.

Вернувшись в Париж из Риги, — рассказывает Алексей Сергеевич, — мы остановились в гостинице «Эксельман» на бульваре с тем же названием. У мамы был огромный круг друзей, и где бы мы ни жили, дом наш был всегда открыт для них. У нее бывали Тэффи, Бунин, Зайцев, Дон Аминадо, Лифарь, Алехин, который даже со мной играл в шахматы... Всем жилось трудно. Многие вообще голодали и ходили направо и налево — к друзьям. У нас за обедом обычно собиралось 3—4 человека...

В 1933 году Екатерина Николаевна со своими домочадцами переехала в парижский пригород Булонь-Бийанкур, где поселилась в доме номер 110 по улице Тьера. Это был дом, в котором жили почти одни русские. У всех материальное положение было тяжелым — помогали различные фонды.

К 1934 году переписка ее с сестрой Верой прекратилась. Впоследствии Вера Пашенная, по существу, отреклась от некогда «горячо любимой» Кати, оскорбительно отозвавшись о ней в своих мемуарах.

Созданный в Париже в 30-е годы Театр русской драмы возобновил свою деятельность осенью 1943 года. В его дирекции состояли Рощина-Инсарова и Сергей Лифарь, а главным режиссером был Николай Евреинов. Вначале на его сцене шла грибоедовская пьеса «Своя семья», а потом Екатерина Николаевна поставила пьесу Вл. Немировича-Данченко «Цена жизни», в которой сама и исполнила главную роль. Потом она ставила и играла в пьесах Тэффи «Старинный романс», в пьесах «Без вины виноватые» и «Женитьба Балзामीнова» А. Островского, «Генеральше Матрене» — в 1949-м году, кажется, это был ее последний спектакль. Последний же раз она вышла на сцену в 1957 году на вечере, посвященном памяти Тэффи.

Если Пашенная вошла в историю советского театра прежде всего исполнением роли Вассы Железновой, то Рощина-Инсарова — роли Катерины в «Грозе». «Она раздвинула этот образ, — писал Вас. Немирович-Данченко, — во всю ширь человеческого страдания... У нее это был тип трагической, одинаково близкий каждому чуткому сердцу и тонкому художественному пониманию».

Душа у моей мамы была широкая — словом, русская, — говорит Алексей Сергеевич. — И она не то чтобы не любила французов, но считала их мелкими, удивлялась их расчетливости и образу жизни.

Я давно заметил, что предстатели первой волны нашей эмиграции до конца жизни сохраняли обостренное чувство патриотизма, который порой у них принимал «воинствующий» характер. Рощина-Инсарова писала театроведу Натэле Тодрия: «Я много видела иностранных артистов, но талантливее, лучше, чище наших, русских, нет, не было и не будет! И я горда этим и счастлива».

Любила она рассказывать своим друзьям о Москве, об известных писателях и актерах, с юмором повествуя о быте дворянской и театрально-художественной Москвы, о ее нравах и обы-

чаях. Любила русский народный быт. Утверждала, что верит в домового, которого можно «задобрить», поставив на стол горшок с кашей...

Оставшись одна, Екатерина Николаевна решила сдать свою квартиру и в 1957 году переехала в русский дом в Кормей-ан-Парижи, что километрах в 20 от Парижа. Там она принимала друзей, которым читала стихи, и в частности некрасовские, но чувствовала себя одиноко.

Последние лет 10 ее жизни, — признается Алексей Сергеевич, — я слишком мало уделял ей внимания, редко бывал у нее. Она, наверное, это тяжело переживала, но вида не показывала. Правда, если я слишком долго не показывался, слала ругательные письма.

Она нуждалась материально до конца жизни. В письме от 12 мая 1966 года нью-йоркский Литературный фонд, который занимался оказанием помощи русским писателям и ученым в изгнании, сообщил Рощину-Инсаровой о решении выдать ей пособие в размере... 25 долларов.

В Кормей-ан-Парижи она занимала себя переплывкой с друзьями и даже начала писать мемуары, но потом бросила. Много курила и пила кофе. Обожала кошек.

Когда мама узнала о смерти сестры, скончавшейся в 1962 году, она, очень любившая Веру, плакала, — говорит Алексей Сергеевич. — Она никак не могла поверить в то, что Вера плохо о ней отзывалась, и, как ей рассказывали, назвала ее «Иудой, предавшей русский театр».

Екатерина Николаевна умерла в парижской больнице 28 марта 1970 года в возрасте 87 лет. У нее были слабые легкие, которые не выдержали простой операции под анестезией.

Отпевали ее при огромном стечении народа в соборе Александра Невского на Рю Дарю в Париже. Похоронили среди соотечественников — на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

На могиле великой актрисы Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой — простой деревянный крест.

ПАРИЖ.

На снимке из семейного архива: Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова в начале двадцатых годов.